

фразируя Чехова, можно сказать, что в поэте все должно свидетельствовать о поэте: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Кишащее в ЦДЛ юное поэтическое стадо больше походит на группу чиновников горкомхоза или в лучшем случае на работников внешторга.

Когда он в своих надраенных до блеска сапогах и карнавальном черном полевом мундире появлялся на вечеринках и поэтических концертах, ни у кого не возникало сомнения: вошел поэт. «Вошел — и пробка в потолок!» — всегда вспоминалось при этом. Очень он походил на задира, повес и балагуров начала прошлого века, реально живших и описанных в стихах и романах.

Александр Бардодым, Саша. Весельчак, продувная башка, не дурак выпить и в чаду буйной пирушки приволокнуться за какой-нибудь прелестницей, а то и за несколькими сразу. Готовый на любую авантюру, романтик, богема до мозга костей, швырявший деньги на ветер, как только они у него появлялись. Принадлежал к той породе людей, которые самой своей жизнью вносят праздник в череду серых будней, в день ото дня становящуюся все более и более унылой действительность.

В 1991 году Александр закончил Литературный институт — отделение перевода с абхазского. Знал и любил Абхазию, ее язык, и, раз и навсегда влюбившись в эту страну, называл ее своей родиной. Абхазия и абхазцы отвечали ему взаимной любовью. Он не мог отсидеться в сторонке, когда над любимыми людьми нависла угроза шовинистической бойни. Потомственный интеллигент, по отцовской линии из запорожских атаманов, он родился и воспитывался в Москве. Однако буйная атаманская кровь порой проявляла в его непредсказуемом поэтическом характере нечто такое, что невольно заставляло вспомнить Рембо и Гумилева.

Он жил как поэт и умер как поэт. Он не боялся смотреть в лицо смерти. Неправда, что смерть не выбирает. Выбирает. Самых лучших и молодых. У Сашки со смертью легким флиртом не обошлось. Много прекрасных русских поэтов ушло из жизни рано.

В сердце каждого из нас, его соратников, — пустота. И все же он остался с нами: в снятом недавно телефильме «За брызгами алмазных струй» и в вышедшем незадолго до Сашиной смерти стихотворном сборнике «Любимый шут принцессы Грёзы». Он внес неповторимую яркую краску в поэтическую палитру, создав уникального лирического героя — джигита, воина-рубаку, сердцееда и бонвивана, для которого поле брани, горская вендетта и светский салон были одинаково близкими стихиями.

А. Д.

На снимке: А. Бардодым на съемках фильма «За брызгами алмазных струй».

Фото М. СЫРОВА

ЛЮБИМЫЙ ШУТ ПРИНЦЕССЫ ГРЁЗЫ

Звание коннетабля как нельзя более подходило ему. Он был истинным поэтом, и неслучайно за год до своей смерти его приняли в маленькую поэтическую державу, которая со своим искрометным весельем, элегантностью слога, остроумием и атмосферой непрекращающегося карнавала завоевала прочные позиции на литературном Геликоне. Пере-

День. — 1993. — 21 — 31 окт. — с. 8.

Александр БАРДОДЫМ

СНЫ ЧЕРНОГО ГРАНД-КОННЕТАБЛЯ

Тает манго на подносе,
И бургундское разлито.
Коннетабль будет в восемь,
Вместе с ним прибудет свита.

Восемь. Ветер по портьерам.
Распахнулись двери резко.
Это входят офицеры,
Особняк наполнив блеском.

Вот слуга с шампанским замер.
Их улыбка тонет в пене,
И фужер летит на мрамор
Полированных ступеней.

Звон стекла. Проходят в залу.
Герцог их встречает гордо.
Он срывает им устало
Три роскошные аккорда.

За роялем белоснежным
Задрожала скрипок стая,
Звуком трепетным и нежным
В фейерверк перерастая...

Все смешалось: аксельбанты,
Эполеты и кинжалы...
Осторожно музыканты
Скрипки хрупкие держали.

Опустился вечер синий.
Свечи плавилься устало.
Появилась герцогиня
С блеском королевы бала.

Покровительница граций,
Вся, как музыка Корелли...
За нее он будет драться
Завтра утром на дуэли.

В полдень, в удаленном месте
Станет частью пейзажа
Образец французской чести —
Профиль гордого «лепажа».

Он украшен перламутром,
Никогда не даст осечки...

Не забыть бы только утром
Про дуэль на Черной речке.

II

А теперь, читатель,
Коннетаблю снится:
Ночью неприятель
Перешел границу.

Подлый, как Иуда,
Мощный, как гора,
Наступает всюду
И кричит «Ура!».

Защищаться поздно.
Но не коннетабль!
Он встает и грозно
Обнажает саблю.

Грузит автоматы,
Чистит сапоги.
Близок час расплаты,
Гнусные враги!

А враги кидают
Бомбы с дирижабля,
Но не испугают
Этим коннетабля!

Он на вражью стаю
Падает орлом,
Рубит и стреляет.
Близок перелом.

Грозный, как Аттила,
Сеет смерть и страх.
Тает вражья сила.
Наступает крах.

«Уничтожить банду,
Всю одним ударом!» —
Он дает команду
Преданным гусарам.

На большое дело,
За простой народ
Полетели смело
Всадники вперед.

Пусто поле боя,
Враг бежит разбитый.
Вот они, герои!
Вот они, джигиты!

Дамы шепчут нежно:
«Слава коннетаблю!»
Он стоит, небрежно
Опершись на саблю.

Дерзкий на дуэли,
Храбрый на войне...

А и в самом деле
Слава, слава мне!

Июль 1992 года